

5.9.[10.00.00] ФИЛОЛОГИЯ

5.9.[10.00.00] ФИЛОЛОГИЯ

5.9.[10.00.00] PHILOLOGY

5.9.1.[10.01.01] АДАБИЁТИ РУС ВА АДАБИЁТИ ХАЛҚҲОИ
ФЕДЕРАТСИЯИ РУСИЯ

5.9.1.[10.01.01] РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И НАРОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.9.1.[10.01.01] RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 82-3

DOI:10.24412-2077-4990-2024-178-203-209

**ОБРАЗ ЧУЖОГО МИРА В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА
«ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ
ПОХОДА 1829 ГОДА» И К. ГАМСУНА «В
СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ: ПЕРЕЖИВАНИЯ И
МЕЧТЫ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО
КАВКАЗУ»**

**ОБРАЗИ ОЛАМИ БЕГОНА ДАР АСАРҲОИ
А. ПУШКИН «САЁҲАТИ АРЗРУМ ДАР
ДАВРАИ МУҲОРИБАИ СОЛИ 1829» ВА К.
ҲАМСУН «ДАР ДИЁРИ АФСОНАВӢ:
ТАҶРИБА ВА ОРЗУҲО ҲАНГОМИ САФАР
БА ҚАҶҚОЗ**

**THE IMAGE OF STRANGER WORLD IN
THE WORKS OF A.S. PUSHKIN «JOURNEY
TO ARZRUM DURING THE CAMPAIGN OF
1829» AND K. HAMSUN «IN A FAIRYLAND:
EXPERIENCES AND DREAMS DURING A
TRIP TO THE CAUCASUS»**

*Шадрунова Елена Станиславовна, аспирантка
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт» (Россия,
Ставрополь)*

*Шадрунова Елена Станиславовна, аспиранти
МДИБ ТО “Донишкадаи педагогии
Ставропол” (Русия, Ставропол)*

*Shadrunova Elena Stanislavovna, postgraduate
student of the Educational Institution of Higher
Education «Stavropol State Pedagogical
Institute» (Russia, Stavropol),
E-mail: rich.girl.istomina@gmail.com*

Ключевые слова: образ чужого мира, образ Кавказа, путевые заметки, антиномия «свой» - «чужой»

Цель статьи состоит в выявлении общих принципов манифестации образа «чужого мира» в очерке А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (1836) и путевых заметках К. Гамсуна «В сказочной стране: переживания и мечты во время путешествия по Кавказу» (1906). Изучение образа чужого мира продолжает выступать предметом исследования многих современных ученых, так как позволяет установить связь между двумя науками – литературоведением и географией. Для реализации цели исследования в статье применяется междисциплинарный подход. Специфика произведений рассматривается в историческом и философском аспектах. В результате исследования установлено, что образ чужого мира, с одной стороны, воссоздает географические реалии Кавказа, а с другой, через субъективную интерпретацию авторов-рассказчиков выступает способом обозначения границ «своего» и «чужого».

Калидвожаҳо: тасвири олами бегона, тасвири Қафқоз, ёддоштҳои сайёҳӣ, антиномияи “худӣ” - “ғарибон”

Мақсади мақола муайян кардани принципҳои умумии зуҳури тасвири «олами бегона» дар очерки А. Пушкин «Сафар ба Арзрум дар давраи муҳорибаи соли 1829» (1836) ва қайдҳои сафари К. Хамсун «Дар диёри афсона: таҷриба ва орзуҳо ҳангоми сафар ба Кавказ» (1906) мебошад. Омӯзиши тасвири олами бегона ҳамчунон мавзӯи таҳқиқоти бисёре аз олимони муосир боқӣ мемонад, зеро он имкон медиҳад, ки байни ду илм – адабиётшиносӣ ва ҷуғрофия робита барқарор кунем. Барои ноил шудан ба ҳадафи тадқиқот равиши байнисоҳавӣ истифода мешавад. Хусусияти асарҳо дар ҷанбаҳои таърихӣ ва фалсафӣ баррасӣ мешаванд. Дар натиҷаи таҳқиқ муайян карда шуд, ки образи олами бегона, аз як тараф, воқеияти ҷуғрофии Қафқозро эҷод мекунад, аз ҷониби

дигар, тавассути тафсири субъективии муаллиф- ҳикоянависон ба сифати воқеият роҳи муайян кардани сарҳадҳои "мо" ва "бегона" амал мекунад.

Key words: *image of stranger world, image of the Caucasus, travel notes, antinomy «one's own» - «stranger»*

The article deals with identify the general principles of manifestation of the image of an «stranger world» in the essay by A.S. Pushkin's «Travel to Arzrum during the campaign of 1829» (1836) and K. Hamsun's travel notes «In a fairyland: experiences and dreams during a trip to the Caucasus» (1906).

Research of the image of stranger world continues to be the subject of research by many modern scientists, as it allows us to establish a connection between two sciences - literary criticism and geography. To achieve the research goal, the article uses an interdisciplinary approach. The specificity of the works is considered in historical and philosophical aspects.

As a result of the research, it was established that the image of stranger world, on the one hand, recreates the geographical realities of the Caucasus, and on the other, through the subjective interpretation of the author-storytellers, it acts as a way of designating the boundaries of «own» and «stranger».

Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных задач:

1. Рассмотреть особенности произведений в историческом и философском аспектах;
2. Установить способы и принципы изображения образа чужого мира в обоих произведениях;
3. Сравнить ключевые составляющие образа чужого мира в указанных произведениях.

Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к сравнительному анализу образа чужого мира, затрагивающем несколько аспектов: исторический, эстетический, мифопоэтический, философский. В статье учитываются мировоззренческие позиции и эстетические приоритеты писателей, повлиявшие на художественное выражение и многоаспектное содержание образа Кавказа в путевых заметках А. Пушкина и К. Гамсуна.

Актуальность данного исследования определяется тем, что изучение образа чужого мира позволяет получить точные представления о культуре неизвестных территорий. Известные литературные произведения оказывают влияние на концептуализацию географического пространства и наделяют территории более высоким культурным статусом, формируя их геоконцепт.

Методология исследования основана на последовательном применении принципа историзма и базируется на принципах и приемах, выработанных в русле сравнительно-исторического литературоведения, при этом обращаясь по необходимости к методологии смежных наук: страноведения, культурологии, истории.

Материалом для исследования послужил очерк А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т., Т. 5 / А.С. Пушкин. - М.: Правда, 1981, с. 564 – 585), а также путевые заметки К. Гамсуна «В сказочной стране: переживания и мечты во время путешествия по Кавказу» (Гамсун К. В сказочной стране // Избранное. М., 1998).

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом исследования которых является антиномия «свой» – «чужой», а также труды, посвященные интерпретации географических характеристик и формированию геокультурного образа пространства в литературе, например, «Мотив чужого» Б. Вальденфельса (Вальденфельс, 1999), Е.М. Абышевой «Архетипы коллективного бессознательного в свете теории лингвистической ималогии (на материале сказочного дискурса)» (Абышева, 2016), И. В. Пахоловой «От «чужака» к «другому»: проблема взаимодействия сообществ в феноменологии «чужого» (Пахолова, 2015), а также Д.Н. Замятина «Метагеография: Пространство образов и образы пространства» (Замятин, 2004).

При изучении образа чужого мира и его составляющих необходим междисциплинарный подход. Специфика объекта и предмета исследования указывает на необходимость синтеза географии, страноведения и культуры. Их методология обогащает собственно литературоведческие исследования, чем способствует пониманию смысла произведения. К таким работам относятся «Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: Книга для учителя» В. П. Максаковского (Максаковский, 2006), «Национальные образы мира. Вопросы литературы» Г.Д. Гачева (Гачев, 1987), а также статья «Сравнительный анализ русских образов Кавказа и кавказских образов России первой половины XIX века» Е.А. Казаковой (Казакова, 2015).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике разработки школьных уроков и университетских семинаров, связанных с изучением литературы о Кавказе.

Образ «чужого мира»

Культура – понятие, несомненно, социально-общественное, коллективное, но и отдельный человек является представителем культуры. Он может активно участвовать в ее развитии. Каждая культура имеет свой особый тип загадочности (энигматичности) и свой специфический способ разгадывания (свой тип разума) (Библер, 1991, с. 24) Поэтическая антиномия «своего» и «чужого» несет в себе специфику национально-культурного порядка. Уместно говорить и о том, что понятие «своего» и «чужого» – это мифологическая антиномия, она отражает особенности архаического мышления, которое находит, в свою очередь, отражение в мифопоэтике произведений. Писатели и поэты нередко использовали семиотическую антиномию «свой» – «чужой» в качестве способа организации художественного мира, его упорядоченности по оппозициям.

В данной работе образ чужого мира представляет собой некую обобщенность раздвоенного художественного мира. Это анализ действительности авторами через взаимодействие противоположных начал. Образ чужого мира в исследуемых путевых очерках является каркасом художественного мира, который включает связанные между собой антиномии.

Понятие «чужой» обладает несколькими значениями. Это и тот, что находится за границами родной культуры, это и иностранный, и необычный, противоположный привычному, и сложный для познания, неведомый, и даже угрожающий жизни.

Такие семантические вариации понятия «чужой» дают ключ к рассмотрению его масштабно. Имеется в виду все, находящееся за пределами стандартных и известных представлений. В то время как «свой» – воплощение понятного и знакомого окружающего мира.

Антиномия «свой – чужой» усилилась в годы Кавказской войны 1817 – 1864 гг. В сознании представителей «своего» мира горцы выступали антагонистами – дикими иноверцами, безнравственными и жестокими. Противостояние могло закончиться только уничтожением или вытеснением противника. Написание «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкиным приходится именно на этот период. А вот «Путешествие по Кавказу» создано К. Гамсуном гораздо позже, в 1903 году. В это время культурная картина уже обладала иным характером, поэтому и акценты авторов отличаются. У Гамсуна двойной характер чуждости: он принадлежит к иной культуре, к иному времени, к иной эстетической системе. Более того, он путешествует по Кавказу, который уже стал частью империи. У Гамсуна это скрытое «родство» становится настолько глубоким, что он уже готов «пустить корни».

У Пушкина же кавказская культура – торжество свободы, которая близка ему, что опять же обусловлено конкретным историческим периодом. Но в его произведении территория горцев, ландшафт и пространство для представителей Российской империи обладает потенциальной опасностью, несет в себе враждебность. В уже сформированном сознании усиливается представление о социокультурном единстве «своих». То же чувствуют по отношению к себе и «чужие», на первый план выходят различия «своих» и «чужих» этнокультурных групп.

Таким образом, в произведениях организованы взаимосвязи между парадоксальными явлениями. Они существуют в реальности и служат предпосылками для создания на их основе художественных миров, интерес к которым не угасает со временем и продолжает актуализироваться в современных реалиях.

Образ чужого мира вызывает исследовательский интерес ученых разных отраслей, выступая многоаспектным явлением. Кроме того, к данной теме обращается и кинематограф, который является отражением культурных интересов человека. Доказательство тому современный фильм А. Учителя «Пленный» (2008) по рассказу В. Маканина «Кавказский пленный» (1994). К этой художественной картине вполне применима концепция Г.Д. Гачева (Гачев, 2007) «Космо-Психо-Логос», которая рассматривает каждую национальную целостность как единство природы, характера народа и его склада мышления. То есть вся совокупность материальной и нематериальной культуры народа – все это способно служить автору произведения для демонстрации национальной системы ценностей, логики и психики народа, включая ландшафт, язык, быт, танец и песни. Подобный подход позволяет относиться к «чужим» мирам с пониманием и принятием непохожести каждого народа, расширяя собственное миропонимание и обогащаясь за счет соприкосновения с «чужой» культурой.

Мифопоэтическая картина мира у А. С. Пушкина и К. Гамсуна

У А.С. Пушкина представлено подлинное описание и отбор фактов. Авторская интерпретация увиденного создает образ чужого мира. В тексте «Путешествия» автор ссылается на немалое количество научной литературы, что усиливает документальность произведения. Путевые заметки Пушкина характеризуются детализацией, точностью и объективностью в передаче конкретных наблюдений. По мнению исследователя творчества Пушкина Н.

Кузнецова, его можно описать как «поэта изумительного по точности описаний природы и необыкновенной художественной достоверности и правдивости» (Кузнецов, 1923, с. 58).

Произведение К. Гамсуна «В сказочной стране» представляет собой дневник с размышлениями, где автор и обстоятельства его жизни становятся частью его собственного исследовательского процесса. Гамсун наблюдает за ментальностью жителей чужой для него страны (в основном путевые заметки затрагивают именно Кавказ). Образ чужого мира у К. Гамсуна создается посредством увлекательной смеси из наблюдений, фантазий и даже лжи. Например, когда он пишет о мусульманах в Казбеги, которые едят конину, он фантазирует: «Вокруг костра сидят семеро человек. Необыкновенно красивое зрелище! Они сварили конину и теперь едят ее, лица и руки у них в жиру, и все рты усердно жуют и в то же время болтают» (Гамсун, 1998, с. 80). Но в Казбеги не было мусульман и ни один грузин не ест конину, что подтвердит любое исследование грузинских историков.

Хотя «фантазии» К. Гамсуна вполне можно оправдать: путевые заметки могут создаваться не только на основе наблюдений автора за фактами и действительностью, но и включать авторскую рефлексию, основанную на увиденном, что мы и прослеживаем в его произведении. У К. Паустовского есть высказывание «Факт, поданный литературно, с опусканием ненужных деталей и со сгущением нескольких характерных черт, освещенный слабым сиянием вымысла, вскрывает сущность вещей во сто крат ярче и доступнее, чем правдивый и до мелочей точный протокол». И для «фантазий» Гамсуна это замечание весьма актуально, ведь его образ «чужого» мира ясно оформлен и сформирован. У него Кавказ создан собственным сознанием. Этот способ экстраполяции субъективного образа чужого мира на внешние объективные обстоятельства охарактеризован Г. Башляром как метатеза реальности и ее образа: «Именно внутренний простор придает подлинный смысл выражениям, относящимся к миру, который предстает перед нашими глазами» (Башляр, 2004, с. 161).

Гамсун нередко обращается к олицетворению, например: «Горы представляются мне чем-то невероятным, мне кажется, что они пришли из другого места и теперь остановились тут прямо передо мною» (Гамсун, 1998, с. 43). Используя данный прием, автор хочет в том числе подчеркнуть тождество природы и человека.

Мифопоэтическая модель мира предполагает взаимодействие с природой не через органы чувств, а посредством знаковых систем. В.Н. Топоров рассматривает понятие «мир» в этом аспекте как «человека и среду в их взаимодействии» (Топоров, 1980, с. 161). То есть мифопоэтическая модель мира представляет собой единую универсальную систему. При этом справедливо говорить о том, что различные семиотические воплощения не являются полностью независимыми в мифопоэтическом сознании, куда можно отнести язык, символику, ритуалы, творчество и пережиточные представления в сознании человека. В. Н. Топоров выделяет два аспекта мифопоэтической модели мира: диахронический и синхронический (Топоров, 1980, с. 161-166). В первом случае – это рассказ о прошлом, во втором – средство объяснения настоящего и иногда взгляд в будущее. Обозначенные аспекты служат опорой для построения повествования в исследуемых произведениях: авторы обращаются к истории Кавказа, традициям и оценивают возможные перспективы развития края. Философия авторских взглядов отличается. Если Пушкин констатирует необходимость проповедовать в этих землях Евангелие «Кавказ ожидает христианских миссионеров», «Но легче для нашей лености... посылать немые книги людям, не знающим грамоты» (Пушкин, 1981, с. 566), у Гамсуна, спустя 74 года, Кавказ все еще представляет собой экзотический мир, но уже совсем с иным настроением: «Я попал в волшебную и таинственную страну, это древнее место изгнаний оказалось самой удивительной страной из всех», «Что за странный народ живет в этой необыкновенной стране! Он находит время играть, и у этих людей есть способность держать язык за зубами... У такого народа не может быть лучшего соседа, нежели славянин...» (Гамсун, 1998, с. 17-20).

Общие принципы манифестации образа «чужого мира» у А. С. Пушкина и К. Гамсуна

Общее в создании образа чужого мира и у А.С. Пушкина, и у К. Гамсуна – обращение к описаниям не только природного ландшафта, но и жителей Кавказа. Гамсун, создавая образ черкеса, акцентирует внимание на одежде и воинственности: «Возле меня стоит черкесский офицер, вот как он одет: у него высокие лакированные сапоги, на которые спускаются широкие штаны и широкий коричневый со складками бурнус с кожаным поясом. Спереди за поясом заткнут длинный кинжал наискось на животе, рукоятка кинжала резная и золоченая. Поперек груди торчат верхушки восемнадцати круглых металлических трубочек, вроде наперстков с гранатовым донышком. Это поддельные патроны. На голове у него барашковая шапка» (Гамсун, 1998, с. 98).

Он не обходит вниманием этническое многообразие Кавказа: армянин лежит в постели из подушек в грязных наволочках, но на шелковом матрасе; татарские женщины закрывают лица покрывалами и сидят безмолвно; степные казаки – настоящие воины и «свободные» люди, «храбрый контингент в храбром русском войске».

А.С. Пушкин тоже говорит о многообразии народов. Он описывает черкесов словами «хищные», «буйные». Взаимоотношения с черкесами недружественные: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» (Пушкин, 1981, с. 565). Этим объясняется факт их «дикости». А вот их воинственность – это исторически сложившаяся традиция: «Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение», «Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено». Грузинский народ описан в более дружеском ключе: «нрава веселого и общежительного», грузинские люди любят вино «...вино здесь в таком общем употреблении, что недостаток в воде был бы незаметен» (Пушкин, 1981, с. 564-567), но Пушкин обращает внимание на то, что им необходимо обратить внимание на собственное развитие: «умственные способности ожидают большей образованности». Для осетинского народа автор подбирает другие слова: «Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны... У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы; однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами» (Пушкин, 1981, с. 580).

Мифопоэтическая модель мира ориентирована на космологизированность сущего: небо, святые, этика. Все эти аспекты присутствуют в рассматриваемых очерках, в том числе если говорить обобщенно о мифопоэтике юга. Например, Терек у Пушкина является воплощением горского характера: «Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям... Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелие. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь» (Пушкин, 1981, с. 568).

В произведениях обоих авторов присутствует словесная живопись, создающая яркие и эмоционально-захватывающие «картины». Такая метафорическая образность подчеркивает полисемантическую образность чужого мира. Словесный образ становится зримым, передается мироощущение от соприкосновения с экзотическим краем. А момент события не только создается, но и показывается в динамике. Например, авторы фиксируют в произведениях момент, когда они достигают Кавказа. В «Путешествии в Арзрум»: «Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми... Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробных памятника стояло на краю дороги...» (Пушкин, 1981, с. 566) В «Сказочной стране» Гамсун не просто описывает «начало» Кавказа, его повествование указывает на зримую границу между своим и чужим миром: «Равнина теперь уже более волниста, она уже не так гладка; далеко, далеко налево мы даже замечаем непрерывную цепь вершин на горизонте, это – начало Кавказских гор. В окрестностях земля здесь очень плодородная, строения в равнинах попадаются чаще, и на склоне гор видны поселки. Здесь большие виноградники и плодовые сады, но все чаще нет лесов; только вокруг деревушек появляются маленькие рощи акаций» (Гамсун, 1998, с. 24). Созерцание Терека тоже отсылает автора к пейзажам родной Норвегии: «...мы едем вдоль берега Терека и подъезжаем к месту водопоя. Нас поражает, что это место носит совершенно норвежский характер, и мы выходим из коляски и остаемся здесь несколько долее, чем это нужно» (Гамсун, 1998, с. 25), «...из самой глубины до нас продолжает еще доноситься глухой шум Терека. Терек немногочислен в это время года, но он течет очень быстро, потому что изливается прямо с горы Казбек и имеет очень высокое падение» (Гамсун, 1998, с. 25), «...переезжаем через Терек по железному мосту. Русло реки здесь очень тесное, вода бурлит и пенится, и она грязновато-желтая от извести, – это суп какой-то...» (Гамсун, 1998, с. 25-26).

Обратим внимание на сходство в восприятии авторами горы как божественного начала и различие в этом теогоническом содержании: через указание на непосредственную близость у романтика и индивидуалиста Гамсуна, и через библейские общечеловеческие символы и сюжеты у Пушкина. Первая встреча Гамсуна с Грузией начинается с горы Казбек, одной из высочайших гор Центрального Кавказа: «Неожиданно, после резкого поворота, большое пространство открывается справа, и мы видим совсем близко к нам ледяную вершину Казбека, с его ледниками, белыми и сверкающими на ярком солнце. Он стоит близко к нам, безмолвный, высокий и молчаливый. Странное чувство пронизывает нас, гора стоит там как будто она

выросла из других, как будто существо из другого мира, стоя там смотрит на нас. Как будто я лицом к лицу с Богом» (Гамсун, 1998, с. 10). У А. С. Пушкина восторг вызывает заветный Арарат: «На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...» (Пушкин, 1981, с. 567).

Восприятие Пушкина меняется, что связано с особенностями чужого мира, с его иной географической структурой: «Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казался, плавал в воздухе, несомый облаками» (Пушкин, 1981, с. 567).

Отметим, что оба автора активно используют топонимы. Они играют очень важную роль, создавая фон повествования. Авторская топография включает названия гор, долин, рек и населенных пунктов. «Чужой» мир таким образом не просто обладает собственными свойствами и особенностями, но и приобретает признак реальности, ведь в нем есть географические названия объектов. «Мгновенный переход от грозного Кавказа к милостивой Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извинаящейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога... Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелья и грозный Терек» (Пушкин, 1981, с. 580).

Для создания яркого образа чужого мира А.С. Пушкин и К. Гамсун активно используют изобразительно-выразительные средства. Но чаще всего они обращаются к олицетворению как к особому виду метафоры. Посредством олицетворения достигается два эффекта: с одной стороны, человеческими признаками наделяется природа, привлекая естественный мир к соучастию в жизни героя, а с другой – так подчеркивается цельность природы и человека, свойственная миру Кавказа. Например, «Ландшафт меняется, мы смотрим сквозь могучее ущелье, склоны которого уходят в небеса, со снеговыми вершинами вдали...» и «Здесь местность такая ровная, что Арагве как будто трудно выбраться отсюда, и она извинаяется самыми замысловатыми изгибами взад и вперед, ища выхода» (Гамсун, 1998, с. 25-26) у Гамсуна или описание Терека у Пушкина «Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бываюи обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истошилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!» (Пушкин, 1981, с. 580).

Исследуя два произведения, написанные с разницей 74 года, мы получаем единую интерпретацию образа кавказского региона.

Заключение

Таким образом, проанализировав материал исследования, можно сделать ряд **выводов**:

1. Комплексный подход к анализу произведений А. С. Пушкина и К. Гамсуна позволил выявить важные в рамках исследования исторические, эстетические и философские составляющие текстов;
2. Учитывая жанровую специфику произведений А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» и К. Гамсуна «В сказочной стране: переживания и мечты во время путешествия по Кавказу», можно сказать, что образ Кавказа как чужого мира, создается посредством демонстрации жителей региона, их традиций и характера, описаний необычной и захватывающей природы, природного ландшафта. Авторы обращаются к нескольким ключевым принципам манифестации образа «чужого мира» в своих путевых заметках:
 - документальность;
 - картографичность;
 - художественность;
 - детализация;
 - репортажность;
3. Ключевыми составляющими образа чужого мира в указанных произведениях становятся пейзаж, топонимы, описание менталитета и культурных отличий кавказских народов, а также взаимодействие этих народов с русскими. Эти составляющие встречаются как у А. С. Пушкина, так и у К. Гамсуна. В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной

проблематики можно назвать систематизацию принципов манифестации образа «чужого мира», а также расширение материала исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абышева, Е. М. Архетипы коллективного бессознательного в свете теории лингвистической имагологии (на материале сказочного дискурса)/Е.М.Абышева // Когнитивные исследования языка. - 2016. - № 6. - С.494-496.
2. Башляр, Г. Избранное: Поэтика пространства/Г.Башляр.- М., 2004. С. 161 – 162.
3. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры/ В.С.Библер.- М.: Наука, 1991. – 394 с.
4. Вальденфельс, Б. Мотив чужого / Б. Вальденфельс. - Минск, 1999. - С. 175.
5. Гамсун, К. В сказочной стране/ К.Гамсун //Избранное. М., 1998.
6. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос/Г.Д.Гачев.- М.: Академический проект, 2007.- 365 с.
7. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира // Вопросы литературы, 1987. – No 10. - С. 22 - 29.
8. Замятин, Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. - 512 с.
9. Казакова, Е.А. Сравнительный анализ русских образов Кавказа и кавказских образов России первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №1 (51): в 2-х ч. Ч II. – С. 80 – 87.
- 10.Калуцков, В.Н. Концептуальные основы литературной географии // Уральский исторический вестник, 2016. – No 2 (51). – С. 118 – 125.
- 11.Кузнецов, Н. «Вечерняя звезда» в одном стихотворении Пушкина («Редет облаков летучая гряда»). Иркутск: Мироздание, 1923. 132 с.
- 12.Максаковский, В.П. Литературная география: географические образы в русской художественной литературе: книга для учителя. М.: Просвещение, 2006. - 407 с.
- 13.Пахолова, И. В. От «чужака» к «другому»: проблема взаимодействия сообществ в феноменологии «чужого» // Аспирантский вестник Поволжья. -2015. - №7-8. - С. 90-94.
- 14.Пушкин,А.С.Собрание сочинений в 10 т., Т. 5 / А.С. Пушкин. - М.: Правда, 1981, С. 564 – 585.
- 15.Топоров, В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. – Т. 2. – С. 161 – 166.

REFERENCES:

1. Aбыsheva E. M. Archetypes of the collective unconscious in the light of the theory of linguistic imagology (based on fairy-tale discourse) / E. M. Aбыsheva // Cognitive studies of language. - 2016. - No. 6. - P.494-496.
2. Bachelard G. Favorites: Poetics of Space. M., 2004. P.161 – 162.
3. Bibler V.C. From scientific teaching to the logic of culture. M.: Nauka, 1991. – 394 p.
4. Waldenfels B. Alien motive. / B. Waldenfels. - Minsk, 1999. - P. 175.
5. Hamsun K. In a fairyland // Favorites. M., 1998.
6. Gachev G.D. National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos. M.: Academic project, 2007. 365 p.
7. Gachev G.D. National images of the world // Issues of literature, 1987. – No. 10. - P. 22 - 29.
8. Zamyatin D.N. Metageography: Space of images and images of space. M.: Agraf, 2004. - 512 p.
9. Kazakova E.A. Comparative analysis of Russian images of the Caucasus and Caucasian images of Russia in the first half of the 19th century // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Certificate, 2015. No. 1 (51): in 2 parts. Part II. – P. 80 – 87.
- 10.Kalutskov V.N. Conceptual foundations of literary geography // Ural Historical Bulletin, 2016. – No. 2 (51). – P. 118 – 125.
11. Kuznetsov N. “Evening Star” in one of Pushkin’s poems (“The flying ridge of clouds is thinning”). Irkutsk: World Studies, 1923. 132 p.
12. Maksakovsky V.P. Literary geography: geographical images in Russian fiction: a book for teachers. M.: Education, 2006. - 407 p.
13. Pakholova I. V. From “stranger” to “other”: the problem of interaction of communities in the phenomenology of “stranger” // Postgraduate Bulletin of the Volga Region. -2015. - No. 7-8. - P. 90-94.
- 14.Pushkin A.S. Collected works in 10 volumes, T. 5 / A.S. Pushkin. - M.: Pravda, 1981, pp. 564 – 585.
15. Toporov V.N. Model of the world (mythopoetic) // Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. M., 1980. – T. 2. – P. 161 – 166.